

В.В. Розанов
Рассеянное недоразумение

По изданию: Собрание сочинений. Том 28. Эстетическое понимание истории. Москва, 2009 г.

Впервые опубликовано в газете «Новое время» №6717 под одноименным названием.

Н. Н. Страхов. Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского // Русский Вестник. 1894. Октябрь.

В возражениях, которые были, в свое время, сделаны г. Владимиром Соловьёвым¹ на книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», одно было чрезвычайно многозначительно. Он поставил вопрос: каким образом теорию культурно-исторических типов, созданную нашим покойным ученым, совместить с универсальным характером некоторых истин, вышедших из недр того или иного народа, но, по-видимому, не для него, а именно для других народов: еврейство культурно умерло после Христа, но христианством ожили народы, совершенно чуждые по крови евреям; Греция истощилась, создав искусства и философию, которыми жила Европа в разные циклы своей сложной истории: римляне умерли, создав всемирное право, которое даже на наших факультетах изучается с большею тщательностью, чем собственно русское, — изучается как прототип, как образец всякого права, и даже в истории самой Европы мы наблюдаем, как Италия блекнет и вянет после эпохи Renaissance, которая была зарею и пробуждением для всех северных, заальпийских стран? Правда, это старый вопрос, который волновал уже Карамзина: но г. Владимир Соловьёв, по предметам своего постоянного внимания, сумел придать этому недоумению особенную неотразимость: что делать, в самом деле, с совестью своею, с идеей греха, искупления, с христианством, что все не у нас родилось, но, очевидно, родилось и для нас? И, повторяем, это недоумение становилось так сильно, что, при наилучшем уважении к памяти Данилевского, при согласии со всеми коренными устоями его теории, каждый невольно от

¹ В «Вестнике Европы»; позднее эти статьи были повторены изданием в сборнике «Национальный вопрос в России» (выпуск 2).

этих устоев отходил в сторону, предпочитал молчать, нежели говорить «да» или «нет» там, где так мучительно было бы «нет», так против совести — «да».

Недавно появившаяся статья нашего уважаемого писателя, Н. Н. Страхова: «Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» рассеивает, наконец, это недоумение. Статья посвящена собственно определению литературных отношений Г. Рюккерта, автора книги «Lehrbuch der Weltgeschichte»¹, 1857 г., и Н. Я. Данилевского², как творца теории культурно-исторических типов; но, сверх этого, в конце ее автор развивает некоторые мысли, в высшей степени многозначительные и ценные.

Г. Страхов справедливо указывает, что понятие «культурно-исторических типов» не только не возвышает идею «культуры» вообще, но, напротив, вводит ее в границы, суживает ее значение для всякого человека. Привыкнув понимать все народы, как преемственно поднимающиеся по ступеням *единой* для их всех культуры, в этой культуре люди, наконец, стали видеть что-то абсолютное, в сравнении с чем все другое, во что они веровали, что чтили — относительно, изменчиво, есть только служебное средство, а не конечная цель; «в ней мы увидели, — говорит он, — великое божество, поклонение которому незаметно вошло в наши мысли и составляет скрытую пружину самоотверженных трудов, пламенных восторгов, гордости и унижения, любви и ненависти» (стр. 76). И, в самом деле, эти слова: «монах», «воин» — символы отживших циклов единой культуры, *их* веры, *их* заветов, как это поблекло теперь перед именем «образованный человек», «человек высокой культуры», где высказывается какая-то новая вера, новый завет и отвергнем ли мы, что это есть, действительно, вера в

¹ «Учебник мировой истории» (нем.).

² Общий вывод, к которому приходит г. Страхов на основании строгого сравнения той и другой книги: «Данилевский даже вовсе не читал и не знал книги Рюккерта» («Русский Вестник», октябрь, стр. 158), можно было предвидеть и заранее, притом на основаниях чисто психологических: плагиатор робок в отношении к заимствованной им мысли, и в изложении ее неуклюж, неумел (большинство русских диссертаций); особенности, которые совершенно отсутствуют в смело, мастерски, хотя и несколько грубо написанной «России и Европы». Только очень недалководный читатель не отличит творца, инициатора от последователя, заимствования и, к сожалению, таких именно читателей Данилевский нашел в своих поздних критиках. И притом, к чему ему было скрывать родственность своих взглядов с идеями Рюккерта, когда все русские подобною родственностью гордятся, на нее ссылаются, как на непререкаемый авторитет? Как было ему этот авторитет опустить, когда он был в течение пятнадцати лет не признан, пренебрежен? И, наконец, ведь не *открытие*, не *изобретение* он сделал, приоритет которого мог бы бояться потерять, а высказал некоторый взгляд на историю человечества, где всякая и для всякого поддержка может быть только ценна, желательна, как для Гегеля были ценны идеи Гераклита и Аристотеля, и он их разъяснял, освещал, совпадениями со своими гордась, а этого совпадения не затушевывая.

некоторую единую, высшую культуру, которая в более или менее далеком будущем сольет все народы, им всем придаст одно лицо, общее выражение.

«Понятно, что для таких поклонников очень противна мысль о *разнородных культурах*, и они невольно и упорно избегают проведения этой мысли до конца. Прежде всего потому, что из нее, очевидно, следует *понижение значения культуры* (курсив автора). Так, защитники какой-нибудь религии часто смущаются фактом существования других исповеданий и не хотят признать их за религии».

«Как только мы признаем, что существуют и всегда существовали разнородные культуры, то мы поймем, что *никакая любая культура не может быть высшею целью человеческой деятельности*. Это мы, впрочем, должны бы хорошо знать и без того, потому что у нас всегда бывают цели и стремления, которые мы ставим выше всякой культуры и всякой истории. Мы любим и уважаем людей не по их национальности, не по истории, к которой они принадлежат, не по культуре, которой достигли, а по другим, более глубоким основаниям. Мы действуем — ставим себе правила действий, справляясь не с историею, а со своею совестью».

«Что Данилевский имел в виду этот общий результат и желал отнять у культуры ее верховное значение, это ясно уже из его характеристики европейской культуры и из борьбы с «европейничанием». Если культура есть цель истории, то не правы ли будут те русские юноши, которые стремятся в Берлин, Париж, Лондон, как в те места, где могут достигнуть высших понятий и вкусов? Когда-то Герцен, очутившись в Париже, искренно и верно называл себя «благочестивым пилигримом Севера», пришедшим поклониться величайшей святыне мира. Точно так же он очень хорошо выразился, говоря, что потом перестал верить в «единую спасающую цивилизацию». Культура, действительно, имела и имеет свою религию».

«Данилевский, однако, ясно видел сферу, в которой мы становимся выше культуры и истории, и выразился об этом совершенно ясно. Книга его есть проповедь славянства, как особого культурного типа, и содержит всякого рода соображения, ведущие к возможности культурного развития и объединения славян, но этой цели он не дает верховного значения: «Для всякого славянина, — говорит он, — *после Бога и Его святой церкви*, — идея славянства должна быть высшею идеей» («Россия и Европа», стр. 133).

«Бог и его святая церковь, — так заключает г. Страхов, — вот что выше всего для человека, твердо держащегося православия. Если мы обобщим, то должны будем сказать, что *религиозная и нравственная*

область стоит для всякого человека выше истории, культуры и всякой политики. История есть дело земное, временное; а мы всегда носим в себе позывы к небесному, вечному... Для человека, ищущего спасения своей души, для того, кто глубоко погружен в вопросы нравственности, *история исчезает* или является не в том виде, как обыкновенно... В той или иной степени, мы всегда *отрекаемся от мира*, когда начинаем искать Бога» (стр. 136–138).

Вот объяснение, столь же прекрасное, как и удивительное; объяснение, совершенно неожиданное для всякого, кто размышлял о теории культурно-исторических типов и пытался примирить ее с универсальностью христианства, с одним для всех людей голосом совести. Этот голос, это учение Христа, конечно, покрывают собою всякую культуру, — не вопреки, однако, учению о культурно-исторических типах, но в строгом соответствии с ним, так как именно оно низводит всю «цивилизацию», «гражданственность», «культуру» к ее земным основаниям, тесным границам. Можно, наконец, легче вздохнуть; я — русский, им останусь, им умру, ни в чем не изменив своей родине: в обычае, языке, во всяком земном деле; но за гранью этих земных дел, в своем уединении, ночью, перед горящею лампадою, в колебании перед дурным поступком — я только человек; спрашиваю римлянина, грека, всякого, как мне поступить, как поступали *они* в лучшие, просветленные свои минуты.

В. Розанов
